

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 681.3.061

Д. В. Пивоваров

ТРИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ МОДЕЛИ ТВОРЧЕСТВА

Аннотация. Предмет статьи – понятие творчества, цель – демонстрация парадоксальной природы творческого акта. Обычно творчество в современном мире принято понимать как «создание нового». Однако такое представление вовсе не является единственным, поскольку в разных культурах между собой традиционно конкурируют три предельно общих дефиниции творчества: 1) новое – это повторение старого; 2) новое – уникальный синтез старых форм; 3) новое возникает из ничего. Показано, что три формулы творчества берут начало из трех одинаково сильных религиозных традиций – пантеизма, панентеизма и монотеизма. Пантеистическая схема применительно к человеческому творчеству, по мнению автора, объясняет преимущественно особенности научно-теоретической деятельности. Как известно, в науке вершину творчества усматривают в открытии (не в изобретении) ученым фундаментального закона природы, растворенного в многообразии явлений и предопределяющего их. Из панентеистической модели светская философия выводит особую теорию человеческой креативности. Творчество, понимаемое в духе панентеизма, – не столько открытие того, что уже существует, сколько свободное конструирование, изобретение. По-видимому, данная модель отвечает, прежде всего, делу инженерии и становится основанием ряда теорий изобретательства и рационализации. В соответствии с этими двумя точками зрения, алгоритм творчества прост, и возможно массовое обучение творчеству. Согласно же монотеизму, творчество непременно сопряжено с чудом, обучение ему невозможно. Поэтому, например, педагогическая технология творчества – нонсенс. Эти противоположные мнения одинаково правомерны, что подтверждается многочисленными фактами новообразований в истории человечества.

При помощи метода философской диалектики автор парадоксально синтезирует указанные альтернативные позиции. По его мнению, «парадокс творчества», периодически стимулирующий дискуссии о креативном

измерении человека, принципиально неустрашим, и этот парадокс важно учитывать в креатологических исследованиях.

Ключевые слова: творчество, новое, пантеизм, панентеизм, монотеизм.

Abstract. The research paper deals with the concept of creativity and is aimed at demonstrating the paradoxical nature of the creative action. Generally, in modern world, creativity is defined as the «newness creating». However, this is not the only viewpoint, as in different cultures there traditionally compete three generalized definitions of creativity: 1) newness is a recurrence of the old; 2) newness is a unique synthesis of old forms; 3) newness arises from nothing. It has been demonstrated that the above formulas of creativity originate from the three equally strong religious traditions – pantheism, panentheism and monotheism. According to the author, the pantheistic scheme, being applied to human creativity, explains the specificity of scientific theoretical activity. In scientific sphere, as it is well-known, the highest creative achievement is related to discovery (not invention) of fundamental laws of nature dissimilated in a variety of natural phenomena, and predetermining them. From the panentheistic model, on the other hand, the secular philosophy deduces the special theory of human creativity, viewed as a free construction and invention, rather than simple discovery of something that already exists. Evidently, the given model appeals to the engineering sphere providing the basis for a number of theories related to inventions and rationalizations. Therefore, the mechanism of inventions is quite simple, and the mass creativity training is possible. Whereas, according to monotheism, creativity is necessarily related to mystery, and therefore, this sort of training is impossible, and the pedagogic technology of creativity is regarded as nonsense. However, such opposing views are quite lawful being proved by the numerous facts of innovations in human history.

Using the method of philosophic dialectics, the author achieves a paradoxical synthesis of the above mentioned alternative positions. In author's opinion, the paradox of creativity, stimulating discussions about man's creative dimension, can not be eliminated, and should be taken into account in creativity studies.

Index terms: creativity, newness, pantheism, panentheism, monotheism.

Основные модели человеческого творчества спроектированы по логике трех религиозно-философских учений о божественном творчестве – по аналогии с пантеизмом, панентеизмом и монотеизмом (вкуче с деизмом). Эти учения содержат в себе альтернативные воззрения на творчество Бога, и важно иметь их в виду, когда мы пытаемся понять, как человек (толкуемый как «образ и подобие

Божие») созидает нечто новое. Кратко обсудим особенности указанных учений о сути божественного (и, следовательно, человеческого) творчества.

1. Пантеизм: «новое есть старое»

Если Бог творит мир, то, спрашивается, из чего? Либо из Себя, либо из ничего. Пантеизм (от гр. *pan* – все и *theos* – бог; бог во всем) основан на мировоззренческом принципе «Ничто не происходит из ничего, или из небытия». Платон уподоблял Благо сверхразумному Солнцу, излучающему из себя все существующее. Плотин, Прокл и другие неоплатоники объясняли генезис многого из Единого, используя понятие эманации (истечения). Согласно их представлениям, Единое по мере своего многоступенчатого нисхождения порождает все менее совершенные уровни бытия, оставаясь при этом неизменным и неисчерпаемым. Творение есть эманация, т. е. отворение вечно старой сущности и открывание границ.

Пантеисты провозглашают, что Бог созидает мир либо из своего собственного субстрата-добра (эманативная космогония), либо из совечного ему злого начала – из хаоса праматерии (эротическая, демиургическая космогония). В первом случае мир принципиально тождествен своему Прародителю-Абсолюту и должен уже заранее содержаться в нем, иначе Божество не смогло бы создать его из себя. Во втором случае Абсолют-Первоконструктор также онтологически однороден миру и лишь в большей степени отличается от своего творения, чем в модели эманации.

Поскольку в эманативной космогонии мир проистекает не из «ничего», а из безличностного Бога как своей вечной сущности, то всякое новое всегда есть продукт кенозиса (опустошения) одного и того же вечного Абсолюта, а новое беднее и хуже старого. Новое – это ухудшенное наследие Абсолюта, остатки старого, отзвуки прошедшего золотого века. Зло и страдание суть последствия кенозиса Бытия, и пантеисты считают их естественными состояниями и атрибутами всемирного круговорота.

В пантеистических религиях Бог мыслится растворенным в физическом мире, и нет речи о начале момента созидания мира. Такой Бог лишен личностных свойств. Он трактуется как вечный мировой дух, скрытый в каждой вещи, в каждом живом существе. Бог пантеистов не гневается, не радуется, не говорит и совечен физическому универсуму. Его запрещено представлять себе развопло-

щенным, имеющим бытие до всякого материального существования. В пантеизме разница между добром и злом относительна, добро и зло почти неразличимы.

Пантеист воображает себе «природу творящую» в форме некоей активной сущности, хранящейся под телесной оболочкой явления, а само проявление этой сущности – как «природу сотворенную» («модель ореха»). В индуистской традиции пантеизм изображен символикой ткачества – в образе паука, ткущего из себя паутину мира (подобно образу ученого-паука, описанного Ф. Бэконом). В этом смысле существо творения заключается в откровении, вскрытии ранее скрытого, выявлении сокровенного. «Модель ореха», так или иначе, заимствована некоторыми светскими методологами, размышляющими о природе и схемах человеческого творчества и полагающими, что суть любого творчества – в откровении, открытии. В этом смысле творчество есть не созидание чего-либо принципиально нового, но есть лишь открытие какой-нибудь вечной сущности (например, объективного закона природы).

Применительно к человеческому творчеству пантеистическую схему вряд ли следует считать универсальной. По нашему мнению, эта схема преимущественно объясняет особенности научно-теоретической деятельности. Как известно, в науке вершину творчества усматривают в открытии (но не в изобретении) ученым фундаментального закона природы, растворенного в многообразии явлений и предопределяющего их.

Абсолют, с одной стороны, эманурует, мощно отталкивая от себя свои проявления, чтобы сохраниться единой трансцендентной самобытностью. С другой стороны, в своем стремлении обновить свои сущностные силы и удержать полноту он притягивает и возвращает их в себя, оборачиваясь имманентным Единым. Те же тенденции притяжения и отталкивания, согласно пантеизму, наследует от Абсолюта каждая сотворенная вещь. Единое пронизывает всякое нечто, отсюда и свойство вещей открывать границы друг другу и одновременно отталкивать от себя иное для сохранения самобытности. В отношении человеческой деятельности «эманация» конкретизируется понятиями экстериоризации и опредмечивания сущностных сил человека.

Противоположным понятию эманации выступает понятие снятия, или имманации, имеющее несколько значений: 1) диалек-

тическое отрицание; 2) возвращение явления в виртуальное пространство сущностных сил; 3) положенность одного в основание другого; 4) интериоризация [1]. Снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено. Снятие происходит на некотором этапе борьбы внутренних или внешних противоположностей. Согласно неоплатонизму, эманация есть развитие от высшего к низшему, т. е. регресс и опустошение (кенозис) первоединого, и она противоположна восхождению, совершенствованию. Имманация – как обратный процесс возвращения низшего к высшему, к Единому – есть прогрессивное свертывание, внутреннее движение к перво-сущности.

Пантеизм отказывает человеку в истинной свободе воли, предопределяя все наши действия проявлением Абсолюта. Утверждая идею совечности Бога и Его творений, пантеизм подрывает идею Бога как подлинного Творца, имеющего бытие до своих творений. Из идеи эманации вытекают следующие выводы: 1) Бог непрерывно и в каждое мгновение истекает в мир, строя его из себя и постоянно расходуя на него свое собственное содержание; 2) мир уже выстроен в течение вечности во всем его многообразии, но Богу приходится снова и снова выстраивать его. Возникает ли при этом в феноменальном мире нечто принципиально новое, или эманация Бога всего лишь сохраняет Его прежнее творение? Из тезиса о невозможности для Бога прервать свою эманацию следует, что свобода Бога принципиально ограничена.

2. Панентеизм: новое есть синтез разных форм старого

Панентеизм (от гр. *pan en theos* – все в боге), являясь промежуточком между пантеизмом и теизмом, учит о несовпадении личностной и творящей сущности Бога: сотворенная природа не воплощает в своих специфических (физических) законах всей полноты бытия и первозаконов Творения. Любой фрагмент физического мира подчиняется законам двоякого рода, а именно законам творящим и законам сотворенным. Так, Бог говорит в Бхагавад-Гите: «Моя форма не проявлена, но Я насыщаю мир. Все существа пребывают во мне, но Я не покоюсь в них <...> Моя активность не поработает меня <...> Я появляюсь как наблюдатель, отделяясь в середине этой работы.

Природа дает рождение всем движущимся и неподвижным телам. Я надзираю. Вот как мир сохраняет свое вращение» [2].

Согласно панентеизму, Бог обладает личностным бытием. Сотворенный мир целиком пребывает в Боге, но Бог не полностью растворен в физическом мире, а пребывает также за пределами вселенной. Иногда панентеисты утверждают, что Бог относится к миру, как душа к телу. Одно из их разъяснений таково: мир конечен, а Бог бесконечен и потому «содержит» в себе все; «несубстанциально» присутствуя в космосе, Бог поддерживает все компоненты мира через свои нетварные энергии. Графически сказанное вообразим себе так: в большом круге («Бог») находится малый круг («физический мир»), причем малый круг ни одной своей точкой не выходит за пределы большого круга.

Творимая природа образована синтезом двух сущностей («моделью кентавра»). Физическое явление – это общая оболочка, под которой скрыты две разные взаимно отражающиеся эссенции. Светская философия выводит из панентеистической модели особую теорию человеческой креативности. Творчество видится как процесс целенаправленного изменения субъектом спонтанных естественных процессов, в результате чего из двух (и более) разных качеств скачкообразно образуется новое качество (эмерджент). В этом случае «новое» есть уникальное пересечение и диалектический синтез разных старых сущностей – как итог изобретения, эксперимента, комбинации. В отношении науки Ф. Бэкон воплотил данную модель в образе «ученого-муравья».

Поясним панентеистическое представление о сути творчества метафорой смешивания красок. Представим себе, что вещь *A* – это пространство, залитое свежей синей краской, а вещь *B* – пространство, внешнее по отношению к *A*, соприкасающееся с *A* и залитое свежей желтой краской. Пусть теперь желтая краска проникает в пространство синей краски, и образуется новый цвет – зеленый. Зеленое – «конкретное тождество» синего и желтого, не сводимое ни к синему, ни к желтому самим по себе.

В случае дизайнерского поиска человеческое начало («желтое») вкладывается в природный материал («синее»), и тогда творится новый искусственный предмет («зеленое»). Так, если мы окрасим одну половину цилиндра черной краской, а вторую полови-

ну – белой и заставим цилиндр вращаться, то наблюдателю он покажется серым. Различные тона серого цвета можно создавать путем регулирования пропорции черного и белого. Стало быть, понятие «серый цвет» находится в диапазоне между понятиями «черный» и «белый», но дизайнеру нужно самому найти конкретный «серый», сам же он не появится.

Искомое свойство всегда лежит в диапазоне его крайних состояний, но очевидно, что поиск его происходит не линейно, а сложно и взаимозависимо. Новый продукт всегда содержит такие новые качества объекта, которые были прежде скрыты от проектировщика. Ход эксперимента зависит не только от свободы выбора субъекта, но и от неожиданностей разнонаправленного объективного процесса. Творчество, понимаемое в духе панентеизма, – это не столько открытие того, что уже существует, сколько свободное конструирование, изобретение. По-видимому, «модель кентавра», прежде всего, отвечает делу инженерии и становится основанием ряда теорий изобретательства и рационализации.

3. Монотеизм: новое возникает из ничего

Вслед за П. Тиллихом выделяют три типа теизма: 1) монархический (Бог-монарх управляет иерархией нижестоящих богов); 2) мистический (Бог есть универсально-трансцендентное безлично-стное Единое, выходящее за границы всякой конкретности); 3) тринитарный (в живом Боге соединены универсально-предельное и личностно-конкретное) [3]. В христианской теологии термин «теизм» обозначена традиция понимать Бога как Абсолютную Личность и как целиком отделенное от творимого Им мира бесконечное бытие. Монотеизм – это вера в Единого Бога, который персонафицирован, достоин поклонения и благоговения, отделен от мира, постоянно активен. Благодаря своим атрибутам бесконечности, совершенства, провидения и всемогущества Бог творит мир из ничего, постоянно поддерживает вселенную и направляет поведение людей в нужное русло.

Если пантеист верит, что мир порожден саморазвертыванием Бога и наделен божественной сущностью, то согласно монотеизму Бог, подобно поэту, сочиняет мироздание, творит его. Поэтому эссенция иудео-христианского Бога принципиально иная, нежели

сущность сотворенного Им мира. Космос возник не из-за войны богов или духов (например, в индуизме – не в связи со смертью Пуруши), а по воле Единого Бога. Библейский Бог любит свое удачное творение, в особенности человеком. В противоположность мнению платоников, Бог не относится к материальной плоти сущего как к чему-то греховному и безобразному. Графически идею теизма изобразим двумя окружностями, соприкасающимися только в одной точке. Первая окружность – «Бог», вторая – «физический мир». Точка пересечения между окружностями – «избранный Проявитель Бога», «Посланник Бога» (Богочеловек Иисус Христос в христианстве, в исламе – череда пророков, завершающаяся Мохаммедом, или «Печатью пророков»).

Итак, теизм учит, что мир не истекает из Бога и не находится в нем, но творится именно Единым Богом (а не служебными духами) из ничего (*ex nihilo*), безо всяких наличных предпосылок. Следовательно, космос не имеет материальной причины; «по завершению времен» мир снова вернется в ничто, погибнет. Стало быть, начало мира из «ничто» так или иначе предполагает «в конце всех времен» гибель мира и конец света. Этот взгляд противоположен учению Аристотеля о том, что всякое творимое сущее должно происходить из четырех начал (причин): вещества, формы, акта творения и конечной цели. В противоположность пантеисту, утверждающему, что «мир есть явленный Бог», теист скажет, что Бог создает мир подобно зодчему, возводящему дворец («мир – это не Бог, а реализация творящей силы Бога»).

Ничто, из которого построен мир, не есть ни пресуществующая материя, ни некое окружающее Бога пространство. «Ничто» – категория идеалистической онтологии, означающая: 1) отсутствие конкретного объекта либо бытия вообще; 2) становящееся бытие с еще не определившимися свойствами и отношениями. «Ничто» противопоставлено таким понятиям, как «нечто», «сущее», «определенное бытие». «Ничто» как абстрактный концепт образовано путем полного отвлечения от предметов всех их свойств.

Ex nihilo лишь означает «не из чего-либо». В этом смысле у всякого конкретного существования нет никакой предельной причины, кроме творческой энергии Бога. Самобытие Бога всецело пусто, ничем не предопределено, но также наполнено добрыми

намерениями и чистой любовью к свободному творчеству. Из идеи *ex nihilo* следует, что все земное чрезвычайно ценно и предопределено со временем завершить божественную цель.

Неортодоксальные христианские мистики выделяют два аспекта божественного ничто: 1) во внутреннем плане Бог един, ни из чего не состоит, а потому есть ничто, безосновность, бездна (Экхарт, Беме), нераскрытость (Шеллинг); 2) в отношении своих творений Бог неизречен, Его в принципе невозможно описать положительными атрибутами; людям остается мыслить бесконечного Бога только апофатически, отрицательно, а именно как неисчерпаемое ничто. Бог сам принимает решение обратиться к человеку (например, через дарование нам благодати, веры и сопричастие).

Материализм не склонен признавать онтологический статус ничто, поскольку руководствуется принципами неуничтожимости физического мира, сохранения общей энергии вселенной и вечного метаморфоза вещей. Некоторые мыслители (например, элейцы, картезианцы, Бергсон, Ницше, марксисты) оценивают понятие «ничто» как пустое, бессодержательное и онтологически бессмысленное. Напротив, христианские философы наделяют его мощным смыслом кладези возможностей, соизмеримым с богатством значений понятия виртуального вакуума или математического нуля, и понимают под «ничто» неопределенное становящееся инобытие («еще не» или «уже не»), но вовсе не тотальное отрицание существующего.

Представление о Боге, порождающем *ex nihilo* все те вещи, которые Он сам же и созерцает, было в квазитеологическом духе экстраполировано новоевропейскими философами на родового человека. Так, картезианское понятие *cogito* подразумевает, что исходный акт нашего мышления ориентирован на тот предмет, который создается самим этим актом. Созерцание человеческим разумом мыслей, которые им же самим произведены и оформлены в виде чувственно-наглядных предметов, получило название «интеллектуальной интуиции».

Устранение из доктрины Творения представления об исходном строительном веществе (т. е. совечной Творцу материи) позволяет своеобразно решать антиномию трансцендентности и имманентности Бога. Если мир родился в непостижимых глубинах бо-

жественного ничто, то когда-нибудь в них же он и возвратится. По своей природе (рождению и финалу) мир столь же видим, сколь невидим, радикально отделен от Бога и все же постоянно испытывает в себе его незримое присутствие. Монотеизм учит, что Бог продолжает созидать мир по Своему плану и провидит конечные цели и Последний суд. Божественная Провиденция предполагает план спасения человека и установление Царства Божия, земного либо небесного.

Понимание теистами взаимосвязи сущности и явления назовем «моделью чуда». Чудо зримо в своем проявлении, но рационально не выводимо из известных человеку законов сотворенной природы. Согласно «модели чуда», истинное творчество заключается в неустанном созидании подлинно нового не путем опредмечивания своего собственного содержания (т. е. не путем эманации) и не путем комбинирования старых реалий (т. е. не путем изобретательства), а из «ничего» и исключительно благодаря силе духа.

Не все богословы считают природу Бога неизменной. Сторонники идеи «Бога в становлении» (А. Уайтхед, И. Барбур и др.) говорят о Боге как постоянном источнике новизны и порядка. С их точки зрения, творение *ex nihilo* – это длительный и незавершенный процесс. Бог помогает – посредством случайностей в природе – появлению новых объектов, наделяет их порядком, структурой, свободой и оригинальностью. Писатели, поэты, актеры творят словом или жестом как бы из ничего, и их обычно именуют «творческой интеллигенцией», противопоставляя им ученых и изобретателей. Однако в состоянии ли хоть один человеческий гений (если он не Богочеловек) самостоятельно и в чистом виде реализовать на практике «модель чуда»? Скорее, его творчество всего лишь аналогично чуду.

Критики идеи *ex nihilo* возражают: если создатель воплощает свою идею, то он уже творит «из себя», т. е. внедряет в продукт часть своей сложности, создавая сложный объект. Если же творец не воплощает идею, тогда нет основания говорить о творении. Творение «не из себя», по сути, невозможно. Идея творения из ничего, альтернативная идее конструирования из чего-либо, является нетривиальной и вряд ли проистекает из рутинного человеческого опыта. Благодаря трансцендентности Бога в отношении сотворенной природы творчество Божие всегда ново, т. е. порождает то,

чего в принципе никогда не было. Физические вещи создаются не из предзаданного материального субстрата, их творящее начало – за пределами вселенной.

О созидании из ничего можно принять только волевое решение, от которого не требуется быть согласованным с законами природы (сохранением энергии, ростом энтропии и пр.). Более того, свободное сотворение из ничего противоречит законам физики, идеям неизбежности и рока. В языке религии свобода выражается творением, а необходимость – рождением (А. С. Хомяков). Идея творения *ex nihilo* направлена против гностических учений о том, что материя создана не Богом-Спасителем, а низшими существами и поэтому является либо злом, либо иллюзией. В контрасте с тезисом о предвечном существовании материи, который принижает творческие способности Бога, идея творения *ex nihilo* подразумевает, что, во-первых, Бог творит не только формы, но и содержание (а не просто соединяет предвечную форму и материю), и, во-вторых, что мир, не будучи частью Бога, отличен от Бога, и его не следует считать божественным.

И античные греческие мыслители, и христиане утверждали, что мир упорядочен и познаваем. Вместе с тем древние греки верили, что единственно мыслимым может быть только уже объективно существующий миропорядок. Отсюда вывод: необходимость структуры космоса надо дедуцировать из неких первичных принципов. Напротив, библейская мысль признавала, что устройство космоса скорее случайно, нежели необходимо. Поскольку форма и материя мироздания произвольно сотворены Богом, то не всякий возможный мир непременно должен походить на действительно воздвигнутый универсум. Следовательно, объяснение мира требует, прежде всего, научно-эмпирического исследования деталей его устройства, а вовсе не умозрительной натурфилософии. Сила творения из ничего заключена в энергии абсолютного Духа.

Важной разновидностью монотеизма является деизм (от лат. *deus* – бог), который, в отличие от теизма, ограничивает Творение одноразовым божественным актом. Появление деизма в эпоху Просвещения было вызвано ростом доверия к человеческому разуму и усилением тенденции рационализма в западной теологии. В отличие от христианской ортодоксии, деизм отвергал любое религиозное

утверждение, если его не удастся обосновать рациональными методами. Сегодня такая вера деистов в мощь человеческого разума – в способность средствами формальной логики выявить универсальную религию природы – представляется наивной.

Согласно учению деизма, Бог, сотворив мир, более не принимает в нем участия, не вмешивается в механизм физических законов; главная цель мироздания – быть местом обитания человека. Английский химик, физик и теолог Роберт Бойль (1727–1791) придумал аналогию «космического механизма» с вечно идущими часами, не требующими ремонта. Просветители XVIII века воображали себе мир как машину, сотворенную Богом и действующую по законам механики, человека – как «духовный автомат» (Лейбниц), а Бога – как совершенного механика.

С позиций рационализма деисты воюют против истолкования Библии в духе мистицизма и иррационализма. Признавая Бога первопричиной космоса, большинство из них отрицают, что Создатель проявляет интерес к своему творению, к ходу мировой истории и судьбам людей. Не надеясь на чудеса, деизм опирается на человеческую волю к улучшению жизни, рационализирует и технологизирует моральные ценности. Деисты утверждают, что человеческий разум сам способен проектировать правильную мораль и решать все проблемы религиозной жизни. (Правда, неясно, как можно логически доказать, что Бог никак не контролирует мир и человеческие поступки?)

По С. Кларку (ученику И. Ньютона), существуют деисты, которые:

1) признают Бога высшим существом, творящим мир и человека, обладающим всемогуществом, всезнанием, безусловной добротой, провиденциально контролирующим ход истории, определяющим после Страшного суда над людьми характер их посмертной будущей жизни; но вместе с тем они отрицают идею Откровения, доверяя исключительно суждениям естественного разума;

2) совпадают с деистами первого типа, но не признают человеческого бессмертия и идеи Страшного суда;

3) совпадают с деистами второго типа; но не верят в божественный контроль над природными процессами, не считают Бога добрым или злым, а потому считают Его безразличным к благополучию человека;

4) не только отрицают наличие у высшего существа моральных атрибутов и не верят в предопределение, но также отвергают идею божественного контроля над миром и даже идею установления Богом законов природы.

4. Парадокс творчества: новое возникает и не возникает из старого

Парадокс творчества (Ю. М. Бохеньский, В. В. Орлов) как вечный религиозно-философский парадокс представлен двумя взаимоисключающими – пантеистическим и монотеистическим – утверждениями:

1) новое всегда возникает из старого, следовательно, оно уже потенциально содержится в старом и не может быть без оговорок и буквально признано новым;

2) новое, в истинном смысле этого слова, никогда не возникает из старого и, следовательно, появляется чудесным образом из ничего.

В этих альтернативных высказываниях тезис и антитезис одинаково основательны. Ссылаясь на факты новообразований в мире и истории человечества, монотеизм решает парадокс нового в пользу второго тезиса. Первый тезис, согласуясь с пантеизмом и частично с панентеизмом, также подтверждается множеством фактов и, следовательно, правомерен. Отсюда следуют два противоречащих друг другу педагогических вывода: 1) алгоритм творчества прост, и возможно массовое обучение творчеству; 2) творчество непременно сопряжено с чудом, педагогическая технология творчества – нонсенс, обучение творчеству невозможно. Парадокс творчества, периодически стимулирующий дискуссии о креативном измерении человека, по-видимому, принципиально неразрешим.

Литература

1. Пивоваров Д. В. *Онтология религии*. СПб.: Владимир Даль, 2009. С. 182–186.
2. Бхагавад-Гита 9, 4–10.
3. Тиллих П. *Систематическая теология*. Т. I, II. М.; СПб.: Университет. кн., 2000. С. 223–229.